

ОТЪ СОБРАВШАГО МАТЕРІАЛЫ.

Русскіе студенты — такіе же изгнанники — нищіе, какъ и я, поручили мнѣ составить «обвинительный актъ» по дѣлу о самомъ страшномъ преступленіи правительства III интернаціонала.

Мнѣ было поручено составить такой актъ, «который заставилъ бы хоть на минуту призадуматься міръ, занятый своими дѣлами».

Я долженъ засвидѣтельствовать, что актъ этотъ отъ начала до конца составленъ не мною, а **самими** обвиняемыми и написанъ ихъ **собственной рукой**.

Тѣмъ, у кого бьется живое сердце. Тѣмъ, кто дѣло предпочитаетъ словамъ. Грядущимъ крестоносцамъ-освободителямъ изъ рядовъ молодыхъ изгнанниковъ. Ихъ вниманію — пристальному и неизмѣнному — предлагается этотъ актъ.

Въ этомъ весь смыслъ и все оправданіе его опубликованія.

Да не забудемъ его мы **всѣ**.

Ал. Валентиновъ.

3. II. 1925.

Лондонъ.

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ *)

«Это—безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурей: имъ приготовленъ мракъ вѣчной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи. Обѣщаютъ имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія; ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ». (Второе Посланіе Петра. Гл. 2, 17-19).

Книга, предлагаемая вниманію читателей, есть скромный опытъ собранія по возможности подлиннаго матеріала для характеристики преслѣдованія церкви и религіи въ Совѣтской Россіи.

Матеріаль этотъ, навѣрное, неполонъ и не во всѣхъ отношеніяхъ однократенъ. Но онъ достаточно обиленъ, выразителенъ и достовѣренъ для того, чтобы на основаніи его можно было составить себѣ сужденіе о той упорно-систематической борьбѣ со всякой религіей и со всякой церковью, которую вела и ведетъ совѣтская власть. Эта борьба не есть то, что можно было бы назвать церковно-религіозной политикой въ современномъ смыслѣ этого слова. Когда новѣйшее правовое государство вело ту или иную политику въ отношеніи религіи и церкви**), оно ставило себѣ точно отграниченныя, чисто государственныя и правовыя, цѣли, никакой ни положительной, ни отрицательной задачей въ смыслѣ поддержанія или разрушенія какихъ-либо вѣрованій не задаваясь.

Иначе дѣйствуетъ совѣтская власть. Ей принадлежитъ своеобразная историческая честь — возрожденія инквизиціи съ атеистическимъ знакомъ. Совѣтская власть — это свѣтскій мечъ, работающій и разящій по наущенію и указкѣ воинствующаго безбожія.

*) Статья эта воспроизводится въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана для англійскаго изданія «The Assault of Heaven» — «Штурмъ Небесъ», въ которомъ она появилась въ переводѣ Г. П. Струве. П. С.

**) Главными примѣрами такой политики я считаю «Kulturkampf» Бисмарка, борьбу съ мормонствомъ Американскаго Федеральнаго Правительства и отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи при Комбѣ и Брианѣ.

Эта основная идея выражается въ той формулѣ, которая постоянно прѣдстаетъ намъ въ совѣтской противорелигіозной печати: «штурмъ небесъ».

Конечно, всякое политическое и социальное движеніе, какъ бы оно ни было идейно собраннымъ въ единомъ фокусѣ, всегда совершается въ то же время какъ-то въ «интересахъ» опредѣленной болѣе или менѣе широкой или болѣе или менѣе узкой группы лицъ и всегда сопрягается съ стремленіемъ этихъ лицъ къ власти и могуществу. Напримѣръ, захватъ коммунистами церковныхъ цѣнностей былъ продиктованъ матерьяльными интересами и является въ сущности своеобразной и весьма откровенной погоней за валютой совокупности физическихъ лицъ, властвующихъ сейчасъ въ Россіи.

Но было бы совѣмъ непозволительнымъ въ наше время рационализмомъ выводить даже совѣтское противорелигіозное движеніе только изъ похоти власти и изъ стремленія къ обогащенію, по той схемѣ сознательнаго и своекорыстнаго обмана, при помощи которой атеистическое и индифферентное свободомысліе, до марксизма включительно, всегда объясняло, напримѣръ, происхождение религіи и ее самое.

Уничтоженіе религіи, опустошеніе душъ въ смыслѣ вѣры есть духовное существо совѣтской власти, внѣ котораго она превращается просто въ грабительскую и мошенническую организацію, размѣнивается на что-то мелкое и пошлое.

Въ совѣтской борьбѣ съ религіей и церковью есть и идейный размахъ и подлинный паѳосъ, въ ней ярко выражень атеистическій фанатизмъ и въ этомъ — и несомнѣнно крупное, я бы сказалъ, міровое значеніе и основное противорѣчіе и, можно сказать, перверзность, или извращенность этого движенія и этой борьбы. Религіозная нетерпимость, даже въ самыхъ ея рѣзкихъ и жестокихъ формахъ, до инквизиціи всѣхъ исповѣданій включительно, была нетерпимостью во имя положительнаго религіознаго идеала. Костры воздвигались и люди сжигались ради торжества и утвержденія положительной вѣры. Эта нетерпимость и эта жестокость были какъ-то все-таки просвѣтлены религіозной вѣрой. А когда сложилось болѣе тонкое и болѣе человѣчное понятіе о религіозной жизни человѣка, то это привело къ религіозному же утвержденію свободы совѣсти, какъ необходимаго условія всякаго достойнаго религіознаго акта. Въ этомъ великое значеніе реформациі въ ея наиболѣе радикальныхъ проявленіяхъ, которыя первыя выставили **свободу совѣсти, какъ религіозно необходимое требованіе**. Лишь потомъ эта идея секуляризовалась и стала требованіемъ формальнымъ, предъявленіе котораго не только иногда мирилось, но и съ извѣстнымъ психологическимъ постоянствомъ почти необходимо сопрягалось съ религіознымъ безразличіемъ. Свободу

совѣсти провозгласилъ Роджеръ Вильямсъ*), ее проповѣдывали квакеры**). Вольтеръ же ее только популяризировалъ. Новѣйшее безразличіе и новѣйшій атеизмъ въ ихъ отношеніи къ положительнымъ религіямъ были окрашены широчайшей и принципиальной терпимостью, и это естственно, ибо невѣрію и безбожію, конечно, психологически гораздо болѣе приличествуетъ безразличіе и терпимость, чѣмъ фанатизмъ и страстность.

Совѣтскій фанатизмъ безбожія не имѣетъ за себя никакого оправданія вѣры. Это — инквизиція безъ вѣры, религіозное безразличіе безъ терпимости и благодости.

Такой безбожный фанатизмъ не есть, конечно, религіозная вѣра. Ибо религія и вѣра состоятъ не просто и не только въ безоглядномъ увлеченіи и поглощеніи какой либо идеей. Онѣ суть утвержденіе и

*) Съ именемъ Роджера Вильямса связано провозглашеніе начала вѣротерпимости основателями Сѣверо-Американскихъ колоній. Вотъ что говорить о Роджерѣ Вильямсѣ Еллинекъ въ своей маленькой замѣчательной работѣ «Декларация правъ человека и гражданина» (1-е изданіе 1895 г., 2-е изд. 1904 г. Русскій переводъ 2-го изд. Москва 1905 г.), вскрывающей религіозныя основы идеи прирожденныхъ человѣческихъ правъ: «Въ 1629 г. пуританами была основана вторая колонія въ Массачузетсѣ Салемъ. Забывая о гоненіяхъ, которыя они сами претерпѣли на родинѣ, они оказались нетерпимыми по отношенію къ лицамъ, не согласнымъ съ ихъ церковнымъ ученіемъ. Въ 1631 г. въ Массачузетсѣ прибылъ молодой индипендантъ Роджеръ Вильямсъ, котораго Салемская Община вскорѣ избрала въ священники. Онъ сталъ проповѣдывать о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства и требовать неограниченной вѣротерпимости не только по отношенію ко всѣмъ христіанамъ, но и по отношенію къ евреямъ, мусульманамъ и язычникамъ: всѣ они должны пользоваться одинаковыми гражданскими и политическими правами въ государствѣ, какъ и вѣрующіе, совѣсть человека — чисто личный вопросъ, и государству нѣтъ дѣла до нея. Когда его по этому поводу изгнали и воздѣйствовали на него гоненіе, Вильямсъ покинулъ Салемъ и съ нѣсколькими вѣрными послѣдователями основалъ въ 1636 году городъ Провидансъ на территоріи индѣйцевъ изъ племени Нарагансетъ. Здѣсь должны были найти убѣжище всѣ претерпѣвающіе гоненіе изъ-за вѣры. Въ договорѣ, заключенномъ при основаніи этого города, высадившіеся колонисты обязуются повиноваться изданнымъ имъ по большинству голосовъ законамъ, но только «въ дѣлахъ гражданскихъ», — вѣра совѣмъ не подлежитъ законодательству. Здѣсь, такимъ образомъ, впервые была признана самая неограниченная свобода религіозныхъ убѣжденій, притомъ по почину «мужа, усвоеннаго пламенной вѣрой» (Стр. 51-52 по русскому изданію).

**) We do not all realize, — говоритъ одинъ крупный современный англійскій ученый — how much we owe to the quakers... for proclaiming this great doctrine (of universal toleration) and, what is more, ultimately establishing it by their passive but stubborn resistance и цитируетъ изъ Apology Роберта Барклая слѣдующее великодушное мѣсто:

переживаніе трансцендентныхъ, внѣ опыта созерцаемыхъ и полагаемыхъ цѣнностей. **Религія есть утвержденіе и переживаніе Бога.** Такъ психологическая установка, на которой покоится совѣтскій «штурмъ небесъ», соединяетъ въ себѣ, если это возможно, всѣ отрицательныя стороны религіознаго процесса, безъ его положительныхъ сторонъ. Это — религія, совершенно свободная отъ вѣры, и невѣріе, въ высочайшей степени пораженное фанатизмомъ и нетерпимостью.

Этимъ объясняется, съ одной стороны, опустошительное дѣйствіе на народную душу этого внутренне-противорѣчиваго духовнаго движенія, сочетающаго безбожіе съ фанатизмомъ. Нельзя преувеличить этого опустошительнаго дѣйствія въ мало-культурной и наивной средѣ русскихъ народныхъ массъ съ ихъ легковѣріемъ.

Въ этой внутренней противорѣчивости воинствующаго атеизма лежитъ, съ другой стороны, и его безсиліе. Безбожіе, какъ чистое отрицаніе, не можетъ быть пламенемъ, питающимъ подлинный фанатизмъ, но — увы! — оно является пламенемъ, которое творитъ нравственное пожарище въ душахъ и обрекаетъ ихъ на высыханіе и гибель.

Поэтому, ни съ какой точки зрѣнія нельзя не только сочувственно, но даже равнодушно относиться къ той разрушительной работѣ, которая творится сейчасъ въ совѣтской Россіи по отношенію къ религіи. Безсильная что либо сотворить, эта работа подрываетъ и разрушаетъ самыя глубокія духовныя основы человѣческой личной и общественной жизни. Здѣсь совершается безусловно опустошительное, подлинно дьявольское дѣло. Объектомъ этого атеистическаго эксперимента, въ которомъ партійный фанатизмъ и религіозное безразли-

«This forcing of men's consciences is contrary to sound Reason, and the very Law of Nature. For man's Understanding cannot be forced, by all the Bodily Sufferings another man can inflict upon him, especially in matters spiritual and supernatural. This argument and evident Demonstration of Reason, together with the Power of God reaching the heart, that change a man's Mind from one opinion to another, and not knocks and blows, and such like things, which may well destroy the Body, but can never inform the Soul, which is a free Agent, and must either accept or reject matters of Opinion, as they are borne in upon it by something proportional to its own nature. To seek to force minds in any other manner is to deal with men, as if they were Brutes, void of understanding; and at last is but to lose one's labour, and as the Proverb is: To seek to wash the Nithe. By that course indeed men may be made Hypocrites, but can never be made Cristianes. (Apology, 4th Edn, p. 497)

Karl Pearson Life and letters of Francis Galton. Cambridge. 1914. p.p. 27-28.

чіе, доведенное до полного цинизма, соединились въ какую то ужасную реальность, суждено было стать Россіи.

Русскій народъ всегда жилъ напряженной религіозной жизнью, которая творилась часто въ невидимыхъ глубинахъ и принимала своеобразныя формы, для посторонняго, не русскаго взора недопустимыя. И сейчасъ великое испытаніе не только не утѣшаетъ религіозной жизни въ русскомъ народѣ, но религіозно будитъ и очищаетъ души. Однако нельзя закрывать себѣ глаза на то, что, подымая и очищая однихъ, болѣе сильныхъ духовно, разрушительная работа коммунистовъ губитъ другихъ, болѣе слабыхъ и болѣе многочисленныхъ, и тѣмъ самымъ въ общей экономіи народно-духовной жизни она означаетъ великое бѣдствіе, съ которымъ не можетъ и не должно быть никакого примиренія. *) Совѣтская борьба противъ религіи и церкви не есть политика и съ политическими критеріями и мѣрками нельзя подходить къ этому явленію.

Оно, при всей своей омерзительности, глубже и значительнѣе всякой политики. Вотъ почему въ этой области безсильны и даже бессмысленны какъ политическая непримиримость, такъ и политическій оппортунизмъ. Борьба идетъ между воинствующимъ безбожіемъ и самой основой всякой подлинной религіи, вѣрой въ Бога. Близорукъ оппортунизмъ, мнящій Дьявола и Антихриста задобрить и улестить политической покорностью, но ослѣпленъ и радикализмъ чисто поли-

*) Трудно выразить отвращеніе, возбуждаемое специальной казенной «безбожной» литературой большевиковъ, въ которой разсказывается смыслъ вѣдомой противъ религіи борьбы. Это — смѣсь грубѣйшаго идейнаго цинизма съ пошлѣйшей похабщиной, представляющей совершенно хамское использование ветхо-завѣтной наивности и беззастѣнчивое надругательство надъ тончайшей христіанской мистикой. И все это прикрывается «научностью», на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ наукой не имѣющей. Достаточно сказать, что читателямъ мысль о «миѣичности» личности Христа систематически преподносится какъ непрекаемое приобрѣтеніе науки. Всякій знакомый съ современнымъ состояніемъ исторической науки о христіанствѣ знаетъ, что отрицаніе историчности Христа вовсе не можетъ быть обосновано на конкретномъ матеріалѣ историческихъ памятниковъ, а есть въ сущности своеобразная рационалистическая гипотеза. Но для русскихъ «ученыхъ» коммунистовъ Древній болѣе историческій авторитетъ, чѣмъ Гарнакъ и Дейссманъ. На одномъ судебномъ процессѣ невѣжественный совѣтскій «экспертъ» по религіозной исторіи, нѣкій Шпицбергъ развязно заявилъ передъ еще болѣе невѣжественными судьями: «То, что называется Іисусъ Христосъ, является не исторической личностью, а богомъ, продуктомъ мифологіи человѣческой фантазіи и потому Іисусъ никогда не былъ въ дѣйствительности». («Святой отрокъ Гавріилъ». Изд-во «Атенстъ». Москва (безъ обозначенія года) стр. 9). Тамъ же этотъ ученый «экспертъ» совѣтской власти объявляетъ сообщенія о гоненіяхъ, которымъ «подвергались первохристіане, выдумками «злонамѣренной фантазіи» какъ церковныхъ писателей древности, такъ и современныхъ «буржуазныхъ историковъ» (*ipsissima verba!* Стр. 10). Въ анонсѣ издательства «Атенстъ» Св. Іоаннъ Златоустъ рекомендуется какъ видный ханжа IV столѣтія, а св. Григорій Богословъ какъ «виднѣйшій охранникъ Константинопольскаго императора и подлѣйшій гаситель революціонныхъ движеній своего времени».

тическаго чекана, полагающій, что въ этой борьбѣ дѣло идетъ о политическихъ формахъ и программахъ.. Вотъ почему, какую бы политическую позицію мы лично ни занимали, насъ даже мало интересуетъ обсужденіе этой духовной борьбы съ политической и юридической точекъ зрѣнія. Съ одной стороны политическая и правовая природа совѣтской (= коммунистической) власти совершенно ясна, съ другой стороны, сводить проблему религіозной борьбы въ Россіи къ политикѣ значило бы не понимать ея существа и принижать ее. Это было бы также превратно, какъ великую борьбу христіанства съ язычествомъ изображать, какъ какое то политическое или социальное столкновение. Для того, кто хотѣлъ бы вдуматься въ проблему положенія русской церкви въ дни ея теперешнихъ тягчайшихъ испытаній, мы можемъ посоветовать внимательно прочесть и продумать сочиненіе знаменитаго христіанскаго апологета II-III вѣка Тертуліана о «бѣгствѣ преслѣдуемыхъ христіанъ» (*De fuga in persequutione*) и въ особенности главы 10 и 11, которыя мы приведемъ здѣсь въ точномъ по возможности переводѣ:

«Многіе, оставляя въ сторонѣ божественныя увѣщанія, охотнѣе примѣняютъ къ себѣ извѣстное свѣтское греческое изреченіе, гласящее: кто спасается бѣгствомъ, можетъ вновь сразиться. *) Да, но онъ, по всей вѣроятности, вновь побѣдитъ. И когда же и какъ же онъ побѣдитъ, разъ онъ уже побѣжденъ тѣмъ, что бѣжалъ? Неужели добрымъ воиномъ своего вождя, Христа, окажется тотъ, кто, вполнѣ снаряженный апостолами, услышавъ трубный гласъ преслѣдованій, побѣжитъ съ поля борьбы? И я, ссылаясь на свѣтскихъ писателей, скажу вамъ: развѣ столь позорно умереть? **) Умереть придется во всякомъ случаѣ либо въ качествѣ побѣжденного, либо въ качествѣ побѣдителя... Мнѣ милѣе человѣкъ, котораго я долженъ оплакивать, чѣмъ человѣкъ, котораго я долженъ стыдиться. Падающій на полѣ битвы прекраснѣе спасающагося бѣгствомъ. Ты боишься человѣка, ты, христіанинъ, котораго должны бояться ангелы, ибо ты ихъ будешь судить; котораго должны бояться и демоны, ибо ты получилъ власть надъ ними; тебя долженъ бояться весь міръ, ибо въ тебѣ будетъ судимъ весь міръ. Ты во Христа облекся, ибо во Христа крестился. Если ты бѣжалъ отъ дьявола, то значить, ты принизилъ Христа, который въ тебѣ... Если же ты бѣжишь отъ Господа, то этимъ ты обличаешь передъ всѣми бѣглецами тщету своего намѣренія. Бѣжалъ нѣкогда отъ Господа гордый пророкъ, который переправился изъ Іуппіи въ Фарсисъ, какъ бы поставивъ между Господомъ и собою море. Но обрѣлъ онъ Господа не на морѣ и не на землѣ, а въ утробѣ звѣря, гдѣ онъ въ теченіи трехъ дней не могъ умереть. И даже и тамъ, зна-

*) Слова Демосѳена при бѣгствѣ съ Херонейскаго сраженія.

**) Слова Виргилія въ *Aen.* XII, 664 *cp. Suét. Ner.* 47.

читъ, онъ не смогъ уйти отъ Бога. Насколько лучше поступаетъ рабъ Божій, который, хотя ему и грозитъ врагъ Господа, не бѣжитъ отъ этого врага, но, наоборотъ, его презираетъ, полагаясь на помощь Божию, и, исполненный страха Божія, тѣмъ болѣе пребываетъ передъ очами Его, говоря Се Господь; Онъ могучъ; все принадлежитъ Ему; гдѣ бы я ни былъ, я въ рукѣ Его; да будетъ воля Его; я не отступлю, и, если Онъ захочетъ меня погубить, пусть Самъ меня погубить, въ то время, какъ я буду блюсти себя для Него. Я предпочитаю погибнуть по Его волѣ, чѣмъ разгнѣвать Его своимъ самовольнымъ спасеніемъ».

«Такъ мыслить и дѣлать надлежитъ всякому рабу Божию, даже стоящему на болѣе высокой ступени, если претерпѣвъ преслѣдованіе, онъ сможетъ достигъ ея *)».

Но если начальствующія лица, т. е. сами дьяконы, пресвитеры и епископы будутъ спасаться бѣгствомъ, то какъ мірянинъ сможетъ уразумѣть, въ какомъ смыслѣ сказано въ писаніи когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой **). Когда такимъ образомъ бѣгутъ вожди, то кто-же изъ рядовыхъ будетъ призывать къ тому, чтобы оставаться въ строю. Несомнѣнно, пастырь добрый жизнь свою полагаетъ за овецъ; такъ Моисей, хотя Господь Христосъ еще не открылся, будучи уже прообразованъ въ немъ, Моисей, сказалъ: Если ты погубишь народъ сей, то и меня изничтожь съ нимъ ***). И такъ какъ Христосъ подтверждаетъ прообразы свои, то худой пастырь тотъ, который бѣжитъ при видѣ волковъ и оставляетъ стадо на расхищеніе ****). Такой пастухъ изгоняется со двора хозяйскаго; у него удерживается за это плата за службу и даже изъ его прежняго имущества берется возмѣщеніе хозяйскаго ущерба. «Ибо, кто имѣетъ, тому дано и будетъ, а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ» *****). А Захарія угрожаетъ: «О, мечъ возстань на пастыря моего... и разсѣются овцы и обращу руку мою на пастырей» *****)». Такія же угрозы изрекаютъ Іезекиль и Іеремія противъ подобныхъ пастырей не только за то, что они нечестиво питаются овцами, а скорѣе пасутъ себя, чѣмъ ихъ, но и за то, что отдаютъ стадо на разсѣяніе и на добычу дикимъ звѣрямъ. А это всего больше случается тогда, когда клиръ въ преслѣдованіи остав-

*) Христіане, претерпѣвшіе гоненія, удостоивались особаго званія — «исповѣдниковъ».

**) Матѳея. 10, 23.

***) Исходъ. 32, 33.

****) Іоанна. 10, 11, 12.

*****) Захарій. 13, 7. (Текстъ съ принятымъ въ настоящее время не со-

*****) Матѳея. 13, 12, 25, 29.

всѣмъ совпадаетъ. П. С.).

ляетъ церковь. Кто же признаетъ Св. Духа, тотъ услышитъ, какъ онъ обличаетъ бѣгущихъ. Если тѣмъ, кто стоитъ во главѣ стада, когда врываються волки, не приличествуетъ или скорѣе не дозволено бѣжать (ибо кто назвалъ такого пастыря дурнымъ, осудилъ его, а все, что осуждено, несомнѣнно, не дозволено), то не надлежитъ и начальствующимъ въ церкви бѣжать во время преслѣдованія. Если же стадо должно бѣжать, то не долженъ пастырь стоять, ибо тогда онъ стоялъ бы безъ надобности для стада, которое не нуждалось бы въ оборонѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ бѣжать было бы дозволено».

Такъ ясно по существу и такъ въ то же время конкретно-сложно ставился и обсуждался во II-III вѣкѣ по Рожд. Хр. вопросъ о томъ, что должно дѣлать стадо Христово при преслѣдованіяхъ. Сейчасъ, когда мы вдумываемся въ обстоятельства и въ обстановку преслѣдованій христіанъ языческимъ государствомъ, мы видимъ, какъ непреклонно твердо несли свой подвигъ подлинные христіане въ тѣ времена и какъ при этомъ борьба ихъ за вѣру велась внѣ какой-либо политики. Но это была борьба, отмѣченная высочайшей жертвенностью и величайшей любовью къ Богу.

Язычество для первохристіанъ вовсе не смѣшивалось съ властью и съ политикой. И такъ же точно для современныхъ христіанъ Россіи совѣтская власть и совѣтскій строй вовсе не могутъ и не должны почитаться только и преимущественно «политикой» и «политической формой» въ обычномъ общепринятомъ смыслѣ слова. Поскольку совѣтскій строй превращается въ чисто политическую форму, онъ перестаетъ духовно существовать, онъ передвигается въ какую-то другую плоскость. Обращаясь мыслью къ эпохѣ первохристіанъ, мы не дѣлаемъ никакого сопоставленія той эпохи съ нашей. Наше время ужаснѣе. Съ религіозной, а тѣмъ самымъ и съ обще-культурной точки зрѣнія, воинствующій противъ религіи и Бога коммунистическій атеизмъ есть нѣчто, не сравнимое ни съ язычествомъ въ его борьбѣ съ христіанствомъ, ни съ чѣмъ либо вообще, что до сихъ поръ было въ исторіи. Религіозная борьба эпохи французской революціи, при всей отвратительности деталей, все-таки имѣла въ себѣ что-то отъ религіи. Противорелигіозная же работа совѣтской власти есть принципиальная и послѣдовательная борьба противъ вѣры и Бога, во имя доведеннаго до цинизма «человѣкобоя». Такой борьбы въ такой сосредоточенности и напряженности — нельзя этого не подчеркивать постоянно — исторія еще не знала.

На западѣ часто также не понимаютъ, что русская коммунистическая революція безконечно грубѣе и жесточе всякаго деспотизма, когда либо, гдѣ либо свирѣпствовавшаго противъ той или другой группы вѣрующихъ. Ибо поскольку она упраздняетъ и отрицаетъ всякое, и въ томъ числѣ экономическое самоопредѣленіе лица, она на личную свободу, и въ томъ числѣ на свободу совѣсти посягаетъ го-